Ветер выл, и молнии громко трещали в небе над головой. Крепко Феато цеплялся за короткую стену утеса, не в силах идти дальше. Слишком громко, слишком страшно, слишком мощно, слишком странно… Он вздрогнул под шерстяными портьерами. Обнимание его плаща мало помогало против жестокой холодной погоды, и Боромир остановился рядом с ним.

"Двигаться."

Немой Феато с широко раскрытыми глазами покачал головой. Его пальцы впились в скалу, к которой он прижимался спиной. Они немеют перед жестоким камнем. Взгляд Боромира на мгновение смягчился, а затем нахмурился.

«Мы не можем здесь останавливаться. Если мы это сделаем, нам конец, а вы блокируете самое безопасное место на уступе».

«Я видел такую погоду за несколько дней до того, как покинул Мордор!»

«В Мордоре такой погоды не бывает!»

Капитан Гондора нахмурился, чувствуя, как паника накатывает на мордорского раба мощными волнами. Наряду с этим он почувствовал вспышку жалости. Чтобы жить в месте, где не было гроз, и внезапно оказаться на краю пропасти в один из самых сильных штормов, которые Боромир когда-либо видел, он понял, почему мальчик был напуган, слишком боялся двигаться вперед. Он понял и через мгновение отмахнулся от своей сентиментальности.

«Это страшно! Я понимаю, но если ты не будешь двигаться, я сам брошу тебя через край!»

Скалы над ними треснули, и они оба прижались к скале, когда они разбились о них.

"Стоп! Стоп! Не надо больше, я умоляю вас!" Феато закричал, когда ветер вырвал у него слова. Страх превратился в ярость, и его серые глаза загорелись огнем, и в воздухе вокруг него замерцала опасность.

«Воздержитесь, потому что Я! ЕСМЬ! ГОВОРЮ!» Он пнул камень перед собой, и тот треснул под ногами. Ветер стих, и метель утихла. Действительно, он привлек внимание горы!

Феато сердито посмотрел вверх, в сторону высокой вершины горы, парившей в нескольких сотнях футов над ними, затерянной где-то в густых облаках.

"Слушай ты! Ты, злобный переросший кусок древесного угля! Ты вспыльчивый малыш, порожденный злобой чресл Моргота! Мешай нам еще, и Новый Властелин Средиземья, Величайший из Темных Властелинов Майрон Великолепный переплавит тебя за подсвечники-

!"

"Подсвечники?" — спросил Мерри, вопросительно переводя взгляд с Гэндальфа, Леголаса и Пиппина.

Его ответом было пожатие головы и взмах руки Гэндальфа. Леголас прикрыл рот рукой, удивленный таким внезапным поворотом или испуганный, а возможно, и то, и другое. Он неподвижно стоял на снежном сугробе, наблюдая, как пылающий огненный слуга Саруона разглагольствует на горе.

— Ты не достоин даже переплавиться на свечи. Тебе повезет, если Темный Лорд сочтет нужным украсить твой бок гравировкой «Гортаур», ты отвратительный, ужасный, отвратительный, бесполезный кусок сланца... !"

— О Валар, мы все умрем, — прошептал Леголас. — Митрандир, пожалуйста, сделай что-нибудь.

Волшебник действительно что-то делал. Он улыбался, точнее, пытался не улыбаться.

«Никогда не думал, что скажу это, но почти рад, что мы взяли его с собой!» — прошептал Пиппин Мерри. "Он не в своем уме! Это весело!" Он зашипел и захихикал.

"-Величайший из Туманных Гор они называют тебя! Ха! Я видел шлака в Мордоре, более подходящего для этого имени! Вам повезет, если тогда ваше величество избежит его гнева. Позвольте нам пройти, и мы будем петь вам хвалу, где бы мы ни странствовали! Мы забудем вашу жестокость и никогда больше не придем сюда! Но если вы будете больше мешать нам и Я бы не хотел быть тобой, когда придет Темный Лорд».

Гора искоса смотрела на него сверху вниз, крошечное светящееся эхо большей силы, жалкое и маленькое на краю могучей пропасти. И Карадрас ненавидел это маленькое пламя свечи больше, чем кого бы то ни было.

Глаза Феато сузились, на кончиках его пальцев свернулась горячая и золотая сила, и он говорил низким и холодным голосом, ужасно непохожим на его собственный. «Не испытывай меня горой». Саурон показан через него. Его влияние сияло, как корона, на лбу Феато, и кольцо на шее Фродо вдруг стало тяжелым, и он, задыхаясь, вцепился в него, когда тот понесся к земле.

— Фродо, — голос Арагорна был ужасно напряженным, и хоббит с благодарностью опустился в его объятия.

Его серые глаза сузились, глядя на Феато. Этот слуга Мордора не был обычным. Он знал это с самого начала, но доказательство сияло перед ним, расплавленное, горячее и жестокое. Этот

человек, пылающий на грани ужасного падения внизу, не был тем пугливым, любезным и добрым рабом Саурона, которого они знали. На его месте был лорд, темный и смертоносный, как Саурон, но меньший и шокирующий на данный момент на их стороне.

Кулак Гэндальфа сжал его посох, его глаза сузились и потемнели. Он напряженно и с опаской наблюдал за их пленницей и неожиданной спутницей.

Облака над ними рассеялись, и солнце в своем золотом величии согрело их холодные плечи. И Феато, казалось, уменьшился. Его глаза снова стали серыми. Сила, потрескивавшая вокруг него, исчезла, сменившись обычным солнечным светом. И он посмотрел вверх, улыбаясь, когда свет коснулся его лица. Затем он рухнул, рухнул на снег и исчез из поля зрения в белом потоке.

"Феато! Феато-!" — закричал Арагорн, отказываясь отпустить сгорбленного хоббита в своих руках.

Осторожно и тихо Леголас приблизился, стоя на коленях на снегу, с завидной легкостью. На его следе не осталось ни следа, ни следа, и, посмотрев вниз, он протянул руку и вытащил покрытого снегом слугу Мордора из сугроба.

«Пойдем. Мы не можем медлить».

Мальчик выглядел изможденным и истощенным, весь в белых пятнах. Он обвил рукой шею эльфа, и на мгновение Леголас напрягся, но через мгновение он неохотно обнял Феато за талию и помог ему идти.

Вместе они тащились, Феато прогибался под эльфом, который переносил его вес с легкостью, если не с презрением. «Эльфы действительно сильны. Мой отец всегда так говорил…»

На это Леголас лишь нахмурился.

На их пути больше не скользил мокрый снег, над ними больше не трещали молнии, и на них больше не падали камни. И хотя казалось, что Феато охладил пыл гор, никто не осмелился праздновать. Вместо этого Боромир и Арагорн продирались сквозь снежные заносы, чтобы Гэндальф, Гимли и хоббиты могли последовать за ними.

«Смотри, Феато, мы танцуем на снегу, пока пахари пашут». Он посмеялся над мужским счетом.

— Может быть, это и правда, дорогой друг, — проворчал Арагорн, расчищая себе дорогу грудой снега. — Но вы оба выглядите грациозно, как трехногий лебедь.

Эльф рассмеялся, и его серые глаза весело заблестели. Рядом с ним Феато застенчиво улыбалась, чувствуя себя ужасно одинокой и неуместной. Он находил их шутки забавными и

наслаждался их обществом больше, чем следовало бы, но они не были его друзьями или товарищами. Он был их пленником, и улыбка сбежала с его лица. Это было не правильно. Все было неправильно.

Он любил этих людей, понимал их тяжелое положение и заботился о них. Но он заботился и о своем отце, и он не знал, как быть верным обоим. По правде говоря, он не мог быть, и он знал это. Он не мог предать своего отца или свой народ, но предать Братство и их поиски, понять их потребность в свободе тоже было ужасно. Что он мог сделать?

Крепко Феато прижался к эльфу, как будто это могло обеспечить ему стабильность в его собственном разуме. Ему не повезло, и он скорее почувствовал, чем увидел, как эльф взглянул на него.

Медленно Братство и их пленник добрались до другой стороны перевала.

Пиппин завопил, подпрыгивая на солнце. «Здорово иметь с собой слугу Саурона!»

"Пиппин!" Несколько голосов зашипели.

Феато прикусил язык и снова почувствовал проницательный взгляд эльфа: оценивая его, изучая, разбирая на части, он встал. "Спасибо. Я думаю, что я могу управлять отсюда". Это была наглая ложь, но Феато не нравились эти глаза, не нравилось, как Леголас смотрел на него, как будто он знал, что Феато лжет. Он просто кивнул.

"-не так громко. Враги могут вас услышать!" Мерри был занят, делая выговор своему кузену. — Он не совсем на нашей стороне с самого начала. Он бросил прищуренный взгляд на слугу Мордора, сгорбившегося и изо всех сил пытающегося идти самостоятельно.

К сожалению, никто не мог не согласиться с выходкой Пиппина, так как Жестокий Карадрас стал для них неприятным воспоминанием.

http://tl.rulate.ru/book/94610/3178320